

M. Koptjevskaja-Tamm (ed.). The linguistics of temperature. Amsterdam: John Benjamins, 2015. 934 + xii p. ISBN 9789027206886.

Елена Леонидовна Рудницкая

Elena L. Rudnitskaya

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031,
Российская Федерация; erudnitskaya@gmail.com

Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, 107031, Russian Federation;
erudnitskaya@gmail.com

Сборник, выпущенный под редакцией известного специалиста по лингвистической и лексической типологии, а также общей и когнитивной лингвистике, Марии Копчевской-Тамм, является результатом масштабного проекта по изучению концептуализации температуры и тепловых ощущений в языках мира¹. В сборнике делается попытка ответить на следующие вопросы: если считать, что температура и тепловые ощущения неразрывно связаны с жизнью человека и культурой, какие механизмы концептуализации соответствующих понятий существуют в языке; какие можно выявить универсальные концепты и закономерности употребления; какие морфосинтаксические конструкции используются для сообщения о температуре; каковы закономерности метафоризации значений, связанных с тепловыми ощущениями?

Теоретическая основа данного проекта — лексическая типология, которая исследует концептуализацию разных понятий в неродственных языках (см. [Рахилина, Плунгян 2007; Резникова и др. 2008] и др.). Лексическая типология тесно связана с концепцией лексико-семантических универсалий, см. [Goddard 2001: 8], где слова со значениями ‘горячий’ и ‘холодный’ рассматриваются как кандидаты в набор универсальных лексических значений, являясь обозначениями базовых ощущений человека.

В рецензируемом сборнике поражает огромное количество собранного материала: по 17 языковым семьям в 28 статьях. Все авторы так или иначе используют анкеты и руководство по сбору материала [Koptjevskaya-Tamm 2007]. Таким образом, статьи сборника построены в большой степени единообразно; руководствуясь основными задачами, поставленными во введении (М. Копчевская-Тамм), и предварительными выводами (там же), читатель может оценить, какие аспекты концептуализации температуры более универсальны, а какие в большей степени зависят от культурного и языкового своеобразия того или иного языка, от климатических особенностей ареала его распространения.

Во введении Копчевская-Тамм рассматривает основные вопросы, связанные с концептуализацией температуры (основываясь на статьях [Koptjevskaya-Tamm, Rakhilina 2006; Koptjevskaya-Tamm 2011] и др.). Это, во-первых, деление шкалы температуры на отрезки, обозначаемые разными словами: нижняя часть шкалы (‘холодный’), верхняя часть (‘горячий’), средняя часть (‘нейтральный’: *прохладный*). Во всех описанных языках присутствует разбиение шкалы хотя бы на две области (‘холодный’ и ‘горячий’). Понятия ‘горячий’ и ‘холодный’ можно отнести к универсальным, хотя они и не считаются семантическими примитивами. Этими двумя понятиями не ограничивается разбиение температурной шкалы на отрезки: довольно большое количество языков делит шкалу более мелко, т. е. вместо ‘горячий’ — ‘горячий’ и ‘очень горячий’ или ‘горячий’, ‘теплый’ и ‘прохладный’ и т. д.

Во-вторых, Копчевская-Тамм по критериям Ф. Планка [Plank 2003] предлагает в каждом языке выделять «базовые» температурные термины (наиболее употребительные, с ясным значением, морфологически простые, не заимствованные и др.). Также вслед за работой [Plank 2003] предлагается отдельно рассматривать три области употреблений,

¹ Информация о проекте доступна на сайте: http://temperature.ling.su.se/index.php/Main_Page.

обозначающих особые типы температурных ощущений: тактильные ощущения (tactile), температура окружающей среды (ambient) и личное ощущение температуры (personal-feeling). В тех языках, которые уже рассматривались до выхода сборника (русский, шведский, немецкий), все три типа ощущений выражаются разными синтаксическими конструкциями. Например, если тактильное восприятие чаще выражается предикативными или атрибутивными прилагательными (нем. *Die Steine sind kalt* (DEF.NOM.PL камень.NOM.PL быть.PRS.3PL **холодный**) ‘камни холодные’), то для указания на температуру окружающей среды и личное ощущение в европейских языках используется довольно ограниченно употребляющаяся и более частная безличная конструкция с формальным (*it, es* и т. д.) или нулевым подлежащим (нем. *In den Tälern ist es kalt* (в DEF.DAT.PL долина.DAT.PL быть.PRS.3sg оно.NOM **холодный**) ‘В долинах холодно’), ср. русск. *Было довольно холодно* с «категорией состояния» *холодно*. Для характеристики трех указанных видов ощущений с одинаковой температурной характеристикой могут использоваться разные лексические единицы, ср. *горячий камень* (выше нормы, тактильное восприятие) и *мне жарко*, а не **мне горячо* в качестве характеристики личного ощущения.

Проблема метафорических значений слов, выражающих тепловые ощущения, и систематизации типов возможных метафорических переходов тоже рассматривается в сборнике: метафорический переход составляет важный раздел лексической типологии, см. [Резникова и др. 2008; Рахилина 2008: 213—237]. Языки разных языковых групп демонстрируют крайне богатые и разнообразные наборы метафорических употреблений, которые нуждаются в дальнейшем изучении и систематизации. Наиболее универсальным для европейских языков оказывается метафорическое употребление ‘горячий’ для обозначения интенсивных положительных эмоций. Интересно, что антонимичное слово ‘холодный’ демонстрирует часто более широкий спектр переносных значений, далеко не всегда связанных с эмоциями (см. ниже).

Конкретные исследования языков в сборнике сгруппированы по географическому принципу, а не по генетическому. Представлены языки Африки: языки эве и ликпе группы ква, автор Феликс Амека; язык гурен группы гур, автор Самуэль Атинтоно; язык сэлэ группы ква, авторы Ивонн Агбетшоамедо и Франческа Ди Гарбо; язык гбайя (убангийский язык в семье нигеро-конго), автор Полет Рулон-Доко; язык волоф (в сравнении с французским), автор Лоик-Мишель Перрен; языки банту, гур, ква, манде, нильские языки, а также языки хауса (чадский), игбо, йоруба и кильба (бенуэ-конго), автор Генрике Фиршинг; языки Евразии: латышский, автор Нагалья Перкова; сербский в сравнении с английским, автор Катарина Расулич; украинский, автор Анна Кривенко; итальянский, автор Сильвия Лураги; греческий, автор Катерина Стафи; восточно-армянский, авторы Михаил Даниэль и Виктория Хуршудян; язык палила (дардский), авторы Генрик Лильегрен и Насим Хайдер; язык маратхи (индо-арийский), авторы Прашант Пардеши и Питер Эдвин Хук; финский, авторы Пяйви Йувонен и Ахти Никунласси; нганасанский, авторы Мария Брыкина и Валентин Гусев; халха-монгольский, автор Бенджамин Брозиг; языки лао и южно-чжуанский (тайские), а также южный пинхуа и кантонский (диалекты китайского языка), авторы Иларио де Соуза, Франсуа Лангелла и Н. Дж. Энфилд; японский, автор Мика Синдо; индонезийский, автор Поппи Сиахаан; языки Америки: западно-гренландский (эскимосско-алеутский), автор Юстин Саламон; язык оджибве (алгонкин-гренский), авторы Хантер Локвуд и Сюзанн Вейдемо; юкатекский (маянский язык), автор Оливье Ле Гвен; мапудунгун (арауканский язык), автор Фернандо Цунига; хупды (макуанские языки), автор Пейшнс Эппс; языки Австралии и Океании: язык барди (семья ньюлньюл), авторы Клэр Бауэрн и Лора Клинт; ло-тога, мвотлап, хив и др. (языки восточновануатской группы, южно-океанийская ветвь языков), автор Александр Франсуа; камано и абу (папуасские языки), автор Антуанет Шэппер.

Как пишут некоторые авторы сборника, на состав и употребление слов, связанных с температурой, могут оказывать существенное влияние климатические условия, в которых живут носители того или иного языка, а также образ жизни и традиции того или иного народа.

Наиболее простым образом это выражается в количестве слов для обозначения горячих vs. холодных предметов или ощущений. Так, например, обстоит дело в западно-африканских языках эве и липке (с. 43—72, Ф. Амека), где имеется больше слов для обозначения разных степеней горячего (верхняя часть температурной шкалы), чем холодного (нижняя часть шкалы). В западно-гренландском языке (Дж. Саламон, с. 709) есть отдельные слова со значениями ‘холодный’ и ‘очень холодный’ для всех трех сфер употребления температурных терминов.

Важно заметить, что почти во всех жарких и холодных странах есть времена года, так что температура там колеблется от более высокой до более низкой. Так, в субтропическом климате, где живут носители языка барди (К. Бауэрн и Л. Клинг), температура колеблется от +15°C до +29°C (с. 817). В барди есть два слова со значением ‘холодный, холодно’ и одно со значением ‘жаркий, жарко’. В языках северных народов (финский, с. 491—536, П. Йувонен и А. Никунласси, или язык северной-западной части США и Канады оджибве (алгонкингский), с. 721—741, Х. Локвуд и С. Вейдемо) есть обозначение теплого времени года, так что слова ‘горячий’, ‘холодный’ и т. д. в каждом из этих языков определяются исходя из локальных климатических условий, особенно в сфере температуры окружающей среды. Во многих же языках ‘горячая’ зона дифференцируется более дробно, чем ‘холодная’ [Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006: 262; Рахилина 2008: 221]. Это частично обусловлено зависимостью деления на температурные зоны от процедур нагревания еды и воды: слова, использующиеся в подобных ситуациях, чаще относятся к верхней части температурной шкалы.

Как правило, температурные ощущения концептуализуются исходя не из общей температурной шкалы (как на термометре), а из ощущений носителей языка [Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006: 256—257]; см. также толкования *горячий*, *теплый*, *холодный* в работе [Рахилина 2008: 214, 219, 222], в которых исходной точкой для оценки служит температура тела или тактильные ощущения (части тела человека). С точки зрения жизнедеятельности человека во многих языках большую роль в концептуализации температурных ощущений играет температура воды, пищи, одежды и других вещей, связанных с обеспечением жизнедеятельности. Отдельный пункт по сочетаемости температурных терминов с водой есть в анкете [Koptjevskaya-Tamm 2007]; во многих языках, например в языке маратхи (с. 488, Г. Лильегрен и Н. Хайдер) или бауле (семья ква, с. 201, Г. Фиршинг), есть специальные прилагательные, которые употребляются только с названиями жидкости и еды (но не в других ситуациях тактильных ощущений) и обозначают верхнюю часть температурной шкалы (‘горячий’, ‘теплый’).

Среди всех языков, описания которых представлены в сборнике, регулярно прослеживаются три упомянутых контекста: тактильные ощущения, температура окружающей среды и личное ощущение температуры. Во многих языках для обозначения всех трех ситуаций используются предикативные (или, если они имеются, атрибутивные) прилагательные.

Противопоставление сферы тактильных ощущений остальным двум сферам распространено не только в европейских языках (см. выше), но гораздо шире. Так, в языке южный пинхуа (диалект китайского языка, с. 633, И. де Соуза, Ф. Лангелла и Н. Дж. Энфилд) для обозначения ‘горячего’ используются два разных слова в тактильной и нетактильной сферах употребления. В языке палила (дардский, с. 467, Г. Лильегрен и Н. Хайдер) температура окружающей среды и личные температурные ощущения объединяются, выражаясь существительными. Этим двум сферам противопоставляется сфера тактильных ощущений: они обозначаются прилагательными.

Интересно, что в некоторых языках, например в японском (М. Синдо, с. 655—657), конструкции для выражения личных температурных ощущений невозможны с подлежащим третьего лица (кроме вопросов). Подобные ограничения относятся к эгофорическим (*égophorique*), см. [Tournadre 1996], и связаны с категорией эвиденциальности. В некоторых языках для обозначения личных температурных ощущений используется другая лексема, чем в остальных сферах, например, для выражения ощущения ‘холодный’ в языке

абу (папуасский язык, с. 872, А. Шэппер). В халха-монгольском языке (с. 573, Б. Брозиг) тактильные ощущения и температура окружающей среды выражаются прилагательными, а личные температурные ощущения — глаголами.

Вопрос об универсальности небольшой группы базовых температурных терминов, которые должны выделяться во всех языках, исходя из материалов, собранных в сборнике, нельзя считать до конца решенным. Критерии работы [Plank 2003], о которых говорилось выше, нелегко применить к каждому отдельно взятому языку так, чтобы получилось несколько именно базовых температурных слов по этим критериям. Если Ф. Планк предлагает классифицировать системы базовых терминов на одно-, двух-, трех- и четырехкомпонентные, то в результате исследования отдельных языков такая четкая классификация не всегда возможна.

Однокомпонентные системы найти не удалось. Довольно часто выделяются двухкомпонентные системы, например в языках сэлэ (Африка, с. 115, И. Агбетшоамедо и Ф. Ди Гарбо), игбо, кильба (Африка, с. 192, Г. Фиршинг) или хупды (Амазония, с. 799, П. Эппс).

Если рассматривать системы с большим количеством компонентов, они также встречаются, например, *kylmä* ‘холодный’, *lämmin* ‘теплый’, *kuuma* ‘горячий’ в финском (с. 504, П. Йувонен и А. Никунласси), а также во многих языках Евразии. Однако их выделение может быть сопряжено с проблемами разного рода. Так, в языке суахили (с. 201, 206, Г. Фиршинг) выделяются три базовых термина: *moto* (верхняя часть температурной шкалы), *joto* (верхняя часть шкалы), *baridi* (нижняя часть шкалы). Приходится вводить трех-, а не двухкомпонентную систему из-за того, что в разных контекстах используются разные температурные термины. Если *baridi* используется во всех трех контекстах (тактильные ощущения, температура окружающей среды, личные температурные ощущения), то *joto* используется для обозначения личных температурных ощущений и температуры окружающей среды, а *moto* — для выражения тактильных ощущений. В этом случае теряется соответствие возрастающего количества базовых терминов и более дробного деления температурной шкалы на отрезки (как это было бы естественно предполагать, как мы это видим в финском и как это подразумевалось Планком). В этом случае теоретическая значимость системного подхода к базовым температурным терминам снижается.

Приведем еще один пример тупиковой ситуации при решении задачи выделения базовых температурных терминов. Ф. К. Амека (язык эвэ, Африка, с. 49—50) пишет, что базовые температурные термины для верхней части шкалы *xɔ dzo* ‘заполнить огнем’ и *dze dzo* ‘контактировать с огнем’ (глагольные выражения) удовлетворяют всем основным признакам базового температурного термина по Планку (включая употребление во всех контекстах), кроме морфологической простоты (это, скорее, глагольные сочетания, чем отдельные слова). Морфологически простые формы *vé* ‘обжигающе горячий’, *fie* ‘кипящий’, *gblo* ‘теплый’ сочетаются только со словами, обозначающими воду. Таким образом, базовые температурные термины для верхней части шкалы нельзя выделить.

С аналогичными проблемами сталкиваются Х. Локвуд и С. Вейдемо при изучении языка оджибве. Понятия ‘горячий’, ‘теплый / нейтральный’ и ‘холодный’ в полисинтетической словоформе, состоящей из четырех позиций, могут выражаться префиксами и суффиксами. При этом есть несколько префиксов, соответствующих основным трем зонам температурной шкалы, и один суффикс *-ide* со значением ‘горячий’. Суффикс *-ide* употребляется только для передачи тактильных ощущений. Значение ‘горячий’ обязательно должно дублироваться, выражаясь и префиксом и суффиксом, при описании тактильных ощущений, связанных с жидкостью: **(gzh)-aagam*(-ide)* ‘горячий-жидкость-горячий.vii’ (тактильное ощущение, жидкость) vs. *misko-aabik-ide* ‘красный-металл-горячий.vii’ (тактильное ощущение, твердое вещество) vs. *gzh-Ø-ayaa* ‘горячий-Ø-чувствовать.vai’ (личные температурные ощущения)².

² vai и vii — обозначения для непереходных глаголов с одушевленным (A) и неодушевленным (I) субъектом.

Как пишут авторы (с. 736—737), во-первых, не очевидно, что критерий морфологической простоты, предложенный Планком, подходит для полисинтетического языка. Во-вторых, не очень понятно, как должны учитываться в системе критериев для базовых температурных терминов случаи обязательного дублирования, как в **(gzh)-aagam*(-ide)* ‘горячий-жидкость-горячий.vп’.

Об аналогичных и других проблемах, связанных с выделением базовых температурных терминов, пишет М. Копчевская-Тамм в предисловии к сборнику (с. 25—30). О них упоминается и в работах [Koptjevskaya-Tamm, Rakhilina 2006] и [Koptjevskaja-Tamm 2011]. В конце последней статьи делается вывод, что выделение базовых терминов не представляет серьезной теоретической значимости или интереса.

В заключение рассмотрим описание метафорических употреблений температурных терминов, представленное в сборнике. Как пишет Копчевская-Тамм в предисловии, направление метафорического переноса часто бывает общим у генетически родственных языков. Так, в сербском и английском языках (с. 270 и далее, К. Расулич) или в греческом (с. 388, К. Стафи) слова со значением ‘горячий’ метафорически употребляются как обозначающие сильные эмоции или открытое проявление эмоций (‘горячая любовь’) и сопровождаются, скорее, положительной оценкой, а слова, обозначающие ‘холодный’, наоборот, в метафорическом употреблении обозначают отсутствие эмоций (‘холодный человек’) и часто несут отрицательную оценку. Аналогичная ситуация представлена в армянском языке (с. 408 и далее, М. Даниэль и В. Хуршудян). Если выйти за пределы индоевропейской языковой семьи, интересно, что некоторые языки оценивают ‘холодный’ положительно, а ‘горячий’ — отрицательно, ср. языки камано и абу, в которых ‘холодный’ (в сочетании со словом ‘кровь’, см. ниже) обозначает ‘спокойный, беззлобный, дружелюбный, симпатичный’ (человек), а ‘горячий’ — ‘злобный, склонный к насилию, опасный для других’ (с. 880, А. Шэппер).

Довольно широко распространены некоторые метафорические переносы, не характерные для индоевропейских языков. В языке палила (дардском) ‘горячий’ в метафорическом употреблении обозначает высокую скорость или интенсивность действия, а ‘холодный’ — наоборот, замедление или низкую интенсивность действия (с. 465, Г. Лильегрен и Н. Хайдер). В неиндоевропейских языках, финском и индонезийском (с. 527—529, П. Йувонен и А. Никунласси; с. 686, 691, П. Сиахаан), похожее метафорическое употребление ((де)интенсификация действия, события, процесса) у ‘горячий’ и ‘холодный’ также засвидетельствовано, причем это употребление может иметь коннотацию увеличения и ослабления опасности, как и в языках камано и абу.

В некоторых языках, например индонезийском, температурные термины выступают в метафорическом употреблении, связанном с эмоциями, в сочетании с названиями частей тела: букв. ‘горячий в печени’ обозначает ‘разозлившийся’, а букв. ‘холодный в печени’ — ‘бесчувственный’; нетерпение выражается как букв. ‘с горячими ягодицами’ (с. 685, 688, П. Сиахаан). Есть и нестандартные, характерные для отдельно взятых языков метафорические переносы. Так, в языке палила ‘горячий’ метафорически выражает силу (с. 465). Нестандартные лексикализованные метафорические употребления встречаются во многих языках, например, в камано и абу ‘горячий’ может употребляться как существительное в значении ‘благословение’ (с. 882): букв. ‘моя горячесть’ → ‘мое благословение’. К сожалению, многие авторы не дают развернутой характеристики метафорических переносов температурных слов — это, возможно, связано с недостатком данных. Сбор данных по метафорическим переносам — очень трудоемкая и занимающая много времени работа и для лингвиста, и для носителя языка.

Кроме обычных метафорических переходов в языках Юго-Восточной, Южной Азии, Австралии, Океании и Южной Америки есть специальная сфера культурных концептов (гуморальная система в месоамериканской культуре), которые традиционно связываются с температурой. В юкатекском языке (с. 755 и далее, О. Ле Гвен) и в языке хупды (с. 808—809, П. Эппс) предметы традиционно делятся на ‘горячие’ (например, апельсин) и ‘холодные’ (например, соль). Люди с определенными способностями считаются ‘горячими’ или

«холодными», с этими же понятиями связаны правила обыденной жизни и медицины. См. [Sharifian, Jamarani 2015] о похожей системе в персидском языке.

В целом сборник представляется очень информативным и построенным настолько четко, насколько позволяет данная тематика. Исследования значительного количества языков дают возможность сделать важные выводы, такие как эмпирическая обоснованность деления на три сферы употребления температурных терминов (тактильные ощущения, температура окружающей среды и личные температурные ощущения) или недостаточная обоснованность идеи выделения разных систем базовых температурных терминов. Некоторые аспекты освещаются в разных статьях сборника неравномерно: с одной стороны, этимология (основных) температурных слов, их характеристики, связанные со статистикой встречаемости в корпусах, с другой — их метафорические употребления. Кроме того, хотелось бы видеть больше материала по сравнению языков, хотя бы для языков одной языковой группы или одного региона, как в статье Г. Фиршинг по языкам Африки.

Сборник представляет несомненную теоретическую и эмпирическую ценность для теории семантических универсалий, лексикологии, лексической типологии и грамматики. Работа по сбору и систематизации материала, проделанная М. Копчевской-Тамм и авторами статей, вызывает большое уважение и интерес, и остается надеяться, что исследования в этом направлении будут продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. [Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetatnost'* [Cognitive analysis of object names: Semantics and combinability]. Moscow: Russkie Slovarei, 2008.]
- Рахилина, Плунгян 2007 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. В., Рахилина Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 9—26. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. On lexical-semantic typology. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. V., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007. Pp. 9—26.]
- Резникова и др. 2008 — Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В. Глаголы боли в свете Грамматики конструкций // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2008. № 4. С. 7—15. [Reznikova T. I., Bonch-Osmolovskaya A. A., Rakhilina E. V. Verbs of pain in the light of Construction grammar. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2008. No. 4. Pp. 7—15.]
- Goddard 2001 — Goddard C. Lexico-semantic universals: A critical overview. *Linguistic Typology*. 2001. Vol. 5. No. 1. Pp. 1—66.
- Koptjevskaya-Tamm 2007 — Koptjevskaya-Tamm M. *Guidelines for collecting linguistic expressions for temperature concepts: Version 1*. December 2007. Available at: <http://temperature.ling.su.se/images/7/7c/Guidelines.pdf>.
- Koptjevskaya-Tamm 2011 — Koptjevskaya-Tamm M. «It's boiling hot!» On the structure of the linguistic temperature domain across languages. Schmid S. D., Detges U., Gévaudan P. et al. (eds.). *Rahmen des Sprechens. Beiträge zur Valenztheorie, Varietätenlinguistik, Kognitiven und Historischen Semantik*. Tübingen: Narr, 2011. Pp. 379—396.
- Koptjevskaya-Tamm, Rakhilina 2006 — Koptjevskaya-Tamm M., Rakhilina E. «Some like it hot»: On the semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish. *STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung)*. A special issue on lexicon in a typological and contrastive perspective. Leuschner T., Giannouloupoulou G. (eds.). 2006. Vol 59. No. 2. Pp. 253—269.
- Plank 2003 — Plank F. *Temperature talk: The basics*. Talk presented at the Workshop on lexical typology at the ALT conference, Calgary, September 2003.
- Sharifian, Jamarani 2015 — Sharifian F., Jamarani M. Conceptualizations of **damâ**, 'temperature' in Persian. A cultural linguistic study. *Cognitive Linguistic Studies*. 2015. Vol 2. No. 2. Pp. 239—256.
- Tournadre 1996 — Tournadre N. Comparaison des système médiatisés de quatre dialectes Tibétains (Tibétain Central, Ladakhi, Dzongkha et Amdo). *L'énonciation médiatisée*. Guentchéva Z. (éd.). Louvain; Paris: Peeters, 1996. Pp. 195—214.